

Ю. В. Норманская, Реконструкция прафинно-волжского ударения. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 2009. 483 с.

18 февраля 2009 г. в Москве в Институте языкознания Российской академии наук (РАН) состоялась защита на соискание ученой степени доктора филологических наук Юлии Викторовны Норманской. Официальными оппонентами выступили член-корреспондент РАН В. А. Дыбо, доктора филологических наук К. Г. Красухин и С. А. Мызников.

Реконструкция прафинно-угорского ударения (конкретно — прафинно-волжского), которую разрабатывает Ю. В. Норманская, — одна из наиболее спорных и трудоемких проблем современной уральстики.

В своей работе Ю. В. Норманская пытается поставить точку в проблемном вопросе о мордовском вокализме и системно описать изменения вокализма от прауральского к современным языкам, принимая во внимание «ранее неучтенные лингвистические факторы» (с. 5). К числу таких факторов она относит «влияние гласных второго слога на развитие первого и места ударения на развитие вокализма первого слога». Это, по ее словам, фактор, которому практически не уделялось внимания прежде.

В качестве доказательства Ю. В. Норманская подробно анализирует во Введении точки зрения на данный вопрос многих западных (преимущественно венгерских и финских) и российских лингвистов. Если традиционно считается, что разноместное ударение, наблюдаемое, например, в современном мокшанском языке, является вторичным и автоматическим по отношению к фонологической системе языка, то автор высказывает предположение о первичности разноместного ударения в мокшанском, что влияло на развитие гласных первого слога. Следует, кстати, сказать, что носители смешанного эрзянско-мокшанского говора в с. Шокша и в настоящее время допускают произнесение одних и тех же слов с разным ударением, а на вопрос, как правильно говорить, отве-

чают после некоторого колебания: «Лучше ставьте на последнем слоге, никогда не ошибетесь». Однако одно дело — мнение носителя языка, а другое — лингвиста: автор считает, что место подвижного ударения в современном мокшанском языке (на корне или на окончании) сохранилось в нем без изменения в настоящее время. Это несколько противоречит оценке, приведенной носителем языка, часто колеблющегося при выборе ударения в том или ином слове родного языка.

В свое время Х. Паасонен, несколько лет проживший среди мордвы, писал, что вопрос об ударении у мордвы — загадка. Известно также, что в эрзянском языке (в отличие от мокшанского) существует отнюдь не словесное ударение, а ударение, обусловленное речевым тактом. Это легко подтверждается возможностью декламировать один и тот же стих то ямбом, то амфибрахием и т. д. (А. И. Кузнецова, Типологические уникальные черты в уральских языках. — Труды международного семинара Диалог99', Таруса 1999, с. 151—155). В 1930-е годы А. Рябов высказал предположение, что эволюция в языке идет именно от ритмичности ударения к его поздней фиксации в слове, а промежуточной стадией является потеря ударения в конце трех- и многосложных слов (А. Рябов, Об ударении в эрзя-мордовском языке. — Революция и письменность, № 4—5, Москва 1932, с. 144—150). Еще раньше А. А. Шахматов обратил внимание, что в связной речи в эрзянском языке некоторые слова вообще безударны, как форма 1SgPres *молян* от глагола *молемс* 'идти' или форма 1Sg *ошошто* от существительного *ош* 'город'.

Новый подход к решению старой проблемы, о чем пишет Ю. В. Норманская во Введении, позволяет описать историю вокализма в мордовских языках с несравненно меньшим количеством исключений (около 8%), чем это существует в настоящее время при использо-

вании традиционного описания, когда исключений насчитывается в среднем 48%. Таким образом, актуальность решения поставленной проблемы не вызывает сомнения.

В чем же состоит новизна работы? Ю. В. Норманская берется доказать, что от праязыкового фактора, ранее не учитывающегося исследователями (подвижное ударение, падающее на корень или окончание), зависят пять далеких (на первый взгляд) друг от друга грамматических и фонологических явлений. К ним автор относит 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках; 2) условия распределения основ по двум типам спряжения в марийском языке; 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке; 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке и 5) генезис системы вокализма в саамском языке (с. 5). Замечание по пункту 5: судя по этому пункту (ср. также с. 3, сноска 1), автор не разделяет точки зрения многих финских специалистов о существовании нескольких саамских языков, а не диалектов. Впрочем, в книге «Реконструкция прафинно-волжского ударения» (2008) Ю. В. Норманская упоминает и саамские языки (с. 3).

Решение поставленных в исследовании задач, по словам Ю. В. Норманской, сводится к разработке и применению триединой концепции, определяющей замысел автора и ранее никем не использовавшейся в сравнительно-историческом финно-угроведении. К этим задачам относятся «а) реконструкция подвижного ударения в прафинно-волжском языке, нефиксированного фонетически или грамматически; б) описание развития систем вокализма в мордовских, марийском и саамском языках в зависимости от места ударения в прафинно-саамском языке; в) описание происхождения подтипов третьего склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке в зависимости от места ударения в прафинно-волжском языке» (с. 6).

Во Введении четко сформулирована не только теоретическая, но и прак-

тическая значимость проделанной работы (с. 6—7), а полученный результат, как справедливо пишет сама Ю. В. Норманская, «интересен не только для специалистов по уральскому языкознанию, но и для исследователей по сравнительно-историческому языкознанию и типологии как пример метода поиска (выделено мною — А. К.) системного развития в 'несистемных' исторических процессах» (с. 6).

К Введению относится также раздел об истории вопроса (с. 9—33), в котором рассматривается история реконструкции системы вокализма (кратких и долгих гласных первого слога, а также реконструкция гласных непервого слога), и дается краткий очерк типологии акцентных систем и истории супрасегментной реконструкции в уральских языках. Особо выделена часть, касающаяся финно-волжской общности. В этом разделе на основании лингвистических данных (в том числе и автора) и благодаря достижениям археологов финно-волжская общность получила надежную географическую и археологическую локализацию, что отражено на картах распространения вяза и пихты.

Основную часть работы составляют пять глав.

Глава I посвящена анализу развития вокализма в мордовском (sic!) языке и реконструкции прамордовского ударения (с. 34—70). Скрупулезный анализ разных типов основ в эрзянском и мокшанском языках позволил автору сделать два основных вывода, подытоженных в конце главы одной фразой: «Рефлексация прауральских гласных первого слога в ПУ/ФУ/ФП/ФВ *a, *o, *u, *ä-основах в мордовских языках зависит практически исключительно от качества прамордовского гласного второго слога и места ударения» (с. 70).

В главе II «Происхождение типов спряжения и склонения в марийском языке и его связь с прамордовским местом ударения» рассматривается происхождение типов спряжения в марийском языке (с. 71—89) и его связь с прамордовским местом ударения (с. 90—95). Речь идет также о происхождении III склонения существительных (с. 95—

100), которое автор оценивает как «протомарийскую инновацию». Оно возникает, по мнению Ю. В. Норманской, «когда в протомарийском еще сохраняется подвижное ударение, которое реконструируется для прафинно-волжского языка и без изменений сохраняется в современном мокшанском языке» (с. 99—100).

«Редуцированные гласные в марийском языке и их связи с прамордовским местом ударения» анализируются в главе III (с. 101—214). В первом разделе ставится вопрос: «Марийские редуцированные гласные первого слога — современная инновация или прамарийский архаизм?». Доказательства (с. 101—157) приводятся на примере многочисленных этимологий. В результате сравнения внутренних данных марийских диалектов утверждается, что «для марийского языка следует восстанавливать, как минимум, два редуцированных гласных *ĩ, *ũ».

Во второй части главы обсуждаются т. н. «чувашские» заимствования в марийском языке (с. 158—192). В последнем разделе приводятся фонологические и этнолингвистические характеристики языка-источника «чувашских» заимствований в марийском языке и ставится вопрос, с каким конкретно из реально засвидетельствованных языков можно отождествить источник марийских заимствований. Оказалось, что система согласных в марийских заимствованиях сходна с системой консонантизма как в волжско-булгарском, так и в современном чувашском языке за исключением лишь пяти тюркских фонем. Изучив рефлексии этих фонем в языке волжских эпитафий XIX в., зафиксированных в книге М. Эрдаля, в современном чувашском языке и в заимствованиях в марийский язык, Ю. В. Норманская выделила в современном чувашском языке и в заимствованиях в марийский язык два этапа булгарско-марийских заимствований. Это этап заимствования до XIV в., т. е. одновременно с созданием волжско-булгарских эпитафий, и заимствования после XIV в. (см. с. 193—194). Археологические материалы, свидетельствующие о разной степе-

ни интенсивности контактов марийцев и болгар на протяжении XI—XIV вв., позволили автору высказать удачную гипотезу: «язык-источник древнего слоя марийских заимствований был предком волжско-булгарского языка эпитафий» (с. 211—212). По «Этимологическому словарю чувашского языка» М. Р. Федотова (1996), количество волжско-булгарских заимствований в марийском языке превышает 400, давая новый материал для истории становления чувашского языка.

В главе IV «Становление системы прасаамского вокализма и прамордовское место ударения» (с. 212—266) анализируется развитие гласных основ протосаамского типа в зависимости от места прафинно-волжского ударения, сохранившегося в современном мокшанском языке.

Завершает исследовательскую часть работы Заключение, нестандартно понимаемое автором и занимающее более 170 с. (с. 267—441).

В эту часть работы входит раздел (с. 267—272) «Алгоритм уточнения реконструкции прафинно-волжского места ударения и типа основы», в котором подытоживаются и формулируются три правила — реконструкции прафинно-волжского вокализма первого слога, типа основ и места прафинно-волжского ударения в финно-волжских *a, *ä, *ə-основах. Автору удалось описать с минимумом исключений (8%) становление системы вокализма в современных мордовских языках в зависимости от места прафинно-волжского ударения и типа основ, о чем уже говорилось в начале отзыва.

Заключение содержит также разделы «Корпус уточненных прафинно-волжских этимологий» (с. 273—426) и «Внешние соответствия прафинно-волжских акцентных типов» (с. 427—442), под которыми понимается наличие явлений, аналогичных рассмотренным в данной работе и обнаруженных в других финно-угорских языках. Эти части заключения следует отнести скорее к приложению, чем к выводам как итогу всей работы.

Библиография включает более 140 наименований.

Исследование имеет приложение с материалами этимологий по UEW, в которых нет палатализирующих позиций и есть рефлекс в коми-язвинском диалекте (с. 460—483). Материалы изданы в качестве монографии «Реконструкция прафинно-волжского ударения» (Москва 2008).

Полнота представленного в работе материала исследования за последнее столетие впечатляюща. Конкретные этимологии, которые часто бывают равноценны и недоказуемы, вызвали бурную дискуссию. Однако можно выразить сожаление, что вне поля зрения Ю. В. Норманской остался материал более ранних периодов зарождения интереса к лингвистическим изысканиям.

Так, специфика ударения в марийском и мордовских языках обращала на себя внимание уже в XVIII в. В частности, в 1733 г. Г. Ф. Миллер записал текст молитвы «Отче наш (видимо, на малмыжском говоре восточного наречия и волжском говоре лугового наречия марийского языка), применив надстрочные знаки акут (´), гравис (˘), псила (˙) и псила (˙). Это оказалось весьма ценным для марийской акцентологии, на что обратили особое внимание уже в XX в. (подробнее см. работы О. А. Сергеева, напр., «Акцентированные рукописи марийского языка XVIII—XIX вв.» (— Узловые проблемы современного финно-угроведения. Материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов, Йошкар-Ола 1995, с. 386—387); «Марийские материалы Г. Ф. Миллера в С.-Петербургском ААН» (— *Hamburger Finnisch-ugrische und Sibirische Materialien = Habent Sua Fata Manuscripta*, Band 3, Hamburg 2005, с. 67—77); работы А. П. Феоктистова, напр., «Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков

(Ранний период)» (Москва 1976)). К сожалению, судя по библиографии, эти и многие другие работы (в первую очередь, носителей исследуемых языков) остались вне поля зрения Ю. В. Норманской.

Интерес к данной проблематике отмечается и в первой половине XIX в. Так, в «Элементарной черемисской грамматике» М. А. Кастрена (1843) при выявлении им специфических особенностей марийского языка в области фонетики едва ли не впервые была затронута система ударения и часть слов этимологизирована. Как видно даже по этим примерам, есть пласты материала, которые могут изменить или подтвердить, а может быть, внести некоторые уточнения в этимологии. Чтобы окончательно поставить точку в исследовании взятой проблемы, необходимо, как пишет сама Ю. В. Норманская, принять во внимание еще многие неучтенные факторы, скрывающиеся в архивах. Нельзя объять необъятного, тем более что автор этого глубокого исследования понимает: еще остаются белые пятна на карте ее собственных изысканий.

Данная работа представляет собой нетривиальное исследование, открывающее новые пути для научных поисков, обнаруживающее и отвергающее многие старые результаты лингвистов в этой области. Материалы и выводы ее могут быть использованы в лекционных курсах и обобщающих трудах по компаративистике.

А. И. КУЗНЕЦОВА (Москва)

Address:
Ariadna Kuznecova
Moscow State University
E-mail: aikuznec@yandex.ru